

ПЕПЕЛ АРКАНУМА

МАРИНА ЛИС

Марина Лис

Пепел Арканума

«Автор»

2026

Лис М.

Пепел Арканума / М. Лис — «Автор», 2026

В этом мире магия — проклятие, а не дар. Элира Восс видит смерти. Каждую ночь ей является чужая гибель, которую она не в силах предотвратить. Единственный шанс спасти умирающую мать — поступить в Академию Теней и стать пешкой в игре могущественного дома Арканум. Она должна шпионить за наследником. Узнать его слабости. Предать. Но Кейан Арканум видит её насквозь. Он холоден, опасен и хранит секреты, которые стоят жизни. Он предлагает сделку: он научит её управлять даром, а она поможет ему уничтожить врага. Между ними вспыхивает запретное притяжение, способное уничтожить обоих. Когда в Академии начинают гибнуть студенты, а на телах появляется печать древнего Ордена, Элира понимает: её дар — не случайность. Она — ключ к воскрешению Бога Смерти. И кто-то уже заплатил за её душу. Элира должна сделать выбор: спасти мир, заплатив собственной жизнью, или сохранить любовь, обрекая всех на гибель. «Пепел — это не конец. Это начало, которое мы пережили вместе».

© Лис М., 2026

© Автор, 2026

Марина Лис

Пепел Арканума

«Пепел Арканума»

Содержание

Часть 1. ПРАХ К ПРАХУ (Экспозиция и Конфликт)

Глава 1. «Крылья бабочки»

Глава 2. «Контракт с Тенью»

Глава 3. «Академия Теней»

Глава 4. «Наследник»

Глава 5. «Испытание воздухом»

Часть 2. ТЕНИ ПРОШЛОГО (Развитие и Заговор)

Глава 6. «Ночной визит»

Глава 7. «Клуб мертвецов»

Глава 8. «Танец с призраком»

Глава 9. «Первая жертва»

Часть 3. И ПЕПЕЛ ПОСТУЧИТ В ТВОЮ ДВЕРЬ (Страсть и Тайна)

Глава 10. «Поцелуй пепла»

Глава 11. «Печать Ордена»

Глава 12. «Исповедь у алтаря»

Часть 4. ИСКУПЛЕНИЕ КРОВЬЮ (Кульминация)

Глава 13. «Предательство»

Глава 14. «Сделка с дьяволом»

Глава 15. «Пепел против пепла»

Глава 16. «Цена свободы»

Эпилог. «Тот, кто видит ветер»

ЧАСТЬ 1. ПРАХ К ПРАХУ

Глава 1. Крылья бабочки

Боль пришла раньше, чем рассвет.

Она всегда так делала. Бесцеремонно, как непрошенный гость, который врывается в дом посреди ночи, не удосужившись постучать. Элира Восс лежала на жёстком тюфяке, набитом сухой травой и прошлогодними листьями, и чувствовала, как череп раскалывается изнутри. Не так, как если бы она ударилась головой о камень — боль была глубже, древнее, словно кто-то невидимый водил раскалённой иглой прямо по извилинам её мозга, вышивая на них чужую судьбу.

Она закусила губу до крови, стараясь не закричать. В соседней комнате спала мать, и каждый кашель Ирмы Восс был для Элиры ударом кинжала в грудь. Тишина в доме означала, что лекарство ещё действует. Значит, она должна молчать. Должна терпеть. Должна принять этот дар, который был хуже любого проклятия.

Она сжала пальцами край тюфяка. Ткань была грубой, выстиранной до дыр, но единственной, что у них была. Пальцы побелели от напряжения. Она считала удары собственного сердца, пытаясь отвлечься от того, что уже знала: видение приближалось. Оно всегда начиналось одинаково — с запаха.

Пахло навозом. И парным молоком.

Элира вздрогнула. Она узнала этот запах. Это был запах коровника мистера Кобба, старого ворчливого фермера, который жил в конце улицы и каждое утро вставал в четыре часа, чтобы подоить своих трёх коров. Она помнила, как в детстве он давал ей тёплое молоко, когда она приходила к нему за хлебом. Это было единственное доброе воспоминание о деревне Кроу-Холлоу — молоко с пенкой, от которого пахло летом.

Но сейчас этот запах был зловещим. Он витал над ней, густой и липкий, смешиваясь с медным привкусом крови, который всегда появлялся у неё во рту перед видением.

«Пожалуйста, только не сегодня», — мысленно взмолилась она, хотя знала, что это бесполезно.

Видения никогда не спрашивали разрешения.

В комнате было темно. Никаких свечей — они экономили даже их, чтобы купить лишнюю горсть муки. Единственным источником света было тусклое, молочно-белое сияние, которое сочилось сквозь щели в ставнях. За окном стояла глубокая ночь — та самая, которую в деревне называли «волчьей», когда даже собаки не лаяли, а ветер завывал так, что казалось, будто кто-то стонет в трубе.

Элира осторожно села на постели. Движение далось ей с трудом — голова кружилась, а перед глазами плыли чёрные точки. Она провела ладонью по лицу и почувствовала, что щёки влажные. Пот или слёзы? Она уже не различала. После стольких лет она научилась плакать молча, не издавая ни звука. Это было единственное умение, которым она действительно гордилась.

Она опустила босые ноги на холодный дощатый пол. Дерево было шершавым, местами с щепками, которые впивались в кожу. Элира привычно стряхнула их и нащупала ногой старые войлочные тапки, которые сшила ей мать три года назад. Они были уродливыми, но тёплыми — единственное напоминание о том, что когда-то у Ирмы Восс было время и силы на такую мелочь, как забота о дочери.

Она встала и сделала три шага к окну. Каждый шаг отдавался болью в висках, но она знала, что это пройдёт, как только видение закончится. Если она встретит его стоя, а не лёжа,

возможно, оно не будет таким мучительным. Так она себе говорила, хотя на самом деле это никогда не работало.

Элира отодвинула тяжёлую деревянную задвижку на ставнях. Дерево заскрипело — старый, рассохшийся дуб, который давно просил замены, но денег не было даже на гвозди. Она приоткрыла створку ровно настолько, чтобы видеть улицу.

Кроу-Холлоу спал.

Деревня выглядела именно так, как и должна была выглядеть самая обычная деревушка на краю империи. Два десятка домов, выстроившихся вдоль единственной грязной улицы, которая в дождливую погоду превращалась в болото. Крыши из дранки, кое-где поросшие мхом. Покосившиеся заборы. Кривые печные трубы. Всё это было серым, унылым, словно сама природа решила, что яркие краски здесь не нужны.

Но сейчас, в предраусветный час, это было почти красиво. Луна — полная, серебряная, хищная — заливала улицу мертвенным светом. Тени от домов ложились длинными, искажёнными фигурами, которые напоминали скелеты. Где-то вдалеке ухнула сова — один раз, второй, третий. Элира вздрогнула. В их деревне совы никогда не были добрым знаком.

Она смотрела на дом мистера Кобба. Он стоял в конце улицы — добротный, крепкий, с новой черепичной крышей, которую старик купил в прошлом году после удачной продажи телят. Единственный дом в Кроу-Холлоу, где не текло во время дождя. Единственный дом, где по утрам пахло свежим хлебом — жена мистера Кобба, толстая и добрая Марта, пекла караваи для всей деревни.

Элира смотрела на этот дом и уже знала, что увидит дальше. Она не могла это контролировать, но она чувствовала, как сознание начинает двоиться. Одно «я» стояло у окна, вдыхая сырой ночной воздух, а другое уже скользило вперёд, туда, где время текло иначе.

Она попыталась отшатнуться. Поздно.

Видение захлестнуло её, как волна — солёная, ледяная, неумолимая.

Она стояла в коровнике.

Переход произошёл мгновенно. Одно мгновение — она в своей комнате, смотрит на луну, а следующее — она уже здесь, среди соломы и коровьего навоза, слышит мерное дыхание животных и чувствует, как под ногами хлюпает влажная подстилка.

Элира ненавидела этот момент. Момент, когда она переставала быть собой и становилась чужим наблюдателем. Тело не слушалось — она могла смотреть, слышать, чувствовать запахи, но не могла пошевелить даже пальцем. Это было похоже на сон, но слишком реальный, слишком детализированный, чтобы быть просто сном.

Коровник был освещён тусклым светом масляной лампы, которая висела на крюке у входа. Свет дрожал, отбрасывая на стены огромные тени. Коровы стояли в своих стойлах — три бурых красавицы, которых мистер Кобб называл Звёздочкой, Розочкой и Веточкой. Они жевали сено спокойно и равнодушно, изредка похлопывая ушами.

Но мистера Кобба здесь не было.

Элира ждала. Она знала, что он придёт. Видение всегда показывало то, что должно было случиться, и она не могла ничего изменить. Она могла только смотреть.

Дверь коровника скрипнула, и на пороге появился он — старый Томас Кобб. Ему было шестьдесят два года, но выглядел он на все семьдесят. Плечи сутулые, лицо изрезано глубокими морщинами, руки узловатые, как корни старого дерева. Он нёс ведро, полное парного молока, и его шаги были тяжёлыми, грузными.

Элира знала каждую его привычку. Она видела его каждый день с тех пор, как ей исполнилось пять лет. Он всегда начинал утро одинаково: сначала коровник, потом завтрак, потом поле. Порядок никогда не менялся.

Но сегодня порядок нарушится.

Мистер Кобб поставил ведро на землю и выпрямился. Он потянулся, хрустнув спиной, и провёл рукой по лбу, вытирая пот. Движение было привычным, машинальным. Он достал из кармана потёртый, засаленный платок и вытер лицо.

А затем его глаза расширились.

Он схватился за грудь.

Элира смотрела, как старик хватается ртом воздух, как его лицо начинает багроветь, а глаза наливаются кровью. Он хрипел — звук был ужасным, похожим на тот, который издаётдохлая крыса, когда её выбрасывают в канаву. Он рухнул на колени, опрокинув ведро. Молоко разлилось по соломе белой лужей, смешиваясь с навозом и грязью.

Он упал лицом вперёд. Тело дёрнулось раз, другой, а затем затихло.

Элира смотрела на его спину, на рубашку в клетку, которую Марта сшила ему на день рождения в прошлом году, на его растопыренные пальцы, которые всё ещё сжимали грязный платок.

Она знала, что это не сон. Она знала, что это случится на самом деле. Через несколько часов, когда рассвет окрасит небо в розовый, старый Томас Кобб отправится в свой коровник за молоком. И умрёт.

Она ничего не могла сделать. Она никогда не могла.

Видение растворилось, оставляя после себя металлический привкус на языке и ломоту в костях, будто она сама только что участвовала в забеге на много миль.

Элира очнулась на полу.

Она лежала на холодных досках, свернувшись калачиком, и её тело была крупная дрожь. Слёзы катились по щекам, горячие и бесконтрольные. Она плакала не от страха — к страху она привыкла. Она плакала от бессилия. От того, что она снова видела, снова знала, снова не могла ничего изменить.

Она слышала, как за окном кто-то прошёл по улице. Шаги были тяжёлыми, уверенными. Это был мистер Кобб. Он шёл к коровнику, чтобы начать свой день. Через полчаса она услышит крик Марты. Через час — плач соседей. К обеду в деревню приедет врач, который разведёт руками и скажет: «Сердце. Ничего не поделаешь. Возраст».

Она могла бы встать. Могла бы выбежать на улицу. Могла бы крикнуть ему: «Не ходи туда! Сегодня не ходи!» — но она знала, что будет дальше. Он посмотрит на неё как на сумасшедшую. Пожмёт плечами и пойдёт всё равно. Или, что ещё хуже, он испугается её взгляда, её «проклятых глаз», как их называли в деревне, и уйдёт. А потом умрёт где-нибудь в поле, подальше от дома, и Марта будет искать его до вечера, а найдёт уже мёртвого.

Она не могла победить судьбу. Она уже пыталась раньше. Три года назад она увидела смерть маленького Тимми Бейкера — тот должен был утонуть в реке, играя с друзьями. Она предупредила его мать. Та назвала её ведьмой и запретила детям подходить к ней. Тимми умер ровно через два дня.

Она предупреждала, и люди умирали. Она молчала, и люди умирали. Не было ни одной правильной дороги, ни одного выбора, который что-то менял. Она была как слепой котёнок, который пытался поймать собственную тень.

Элира подтянула колени к груди и обхватила их руками. Она была одна. Всегда одна.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем она смогла подняться. Ноги тряслись. В горле пересохло. Она нашарила на столе кувшин с водой — глиняный, треснутый, но всё ещё креп-

кий — и сделала несколько глотков. Вода была тёплой и отдавала глиной, но это было лучше, чем ничего.

Она должна была сделать вид, что ничего не случилось. Должна была умыться, одеться и пойти на кухню, где мать уже, наверное, пыталась встать с постели и приготовить завтрак, хотя её руки дрожали, а лицо было бледнее полотна.

Элира посмотрела на себя в маленькое, закопчённое зеркальце, которое висело на стене. Оттуда на неё смотрело лицо восемнадцатилетней девушки — слишком худое, с острыми скулами и большими тёмными глазами, которые казались чёрными в тусклом свете. Волосы, пепельно-русые, выбились из косы и торчали во все стороны. Под глазами залегли тени — постоянные спутники её бессонных ночей.

«Ты похожа на призрака», — подумала она. — «Призрака, который ждёт своего часа».

Она быстро заплела косу — привычные, отточенные движения, которые не требовали зеркала. Надела простую льняную рубашку и тёмную юбку, потёртую на коленях. Сверху набросила шерстяную шаль — единственную тёплую вещь, которая у неё была. Она досталась ей от бабушки, и шерсть уже изрядно свалялась, но зимой это спасало от холода.

Она вышла из своей комнаты — маленькой каморки, которая когда-то была кладовкой. Там едва помещалась кровать и старый шкаф. Пахло здесь сыростью и мышами. Мыши скреблись за стенами каждую ночь, и Элира уже привыкла к этому звуку, как привыкают к тиканью часов.

Коридор был узким и тёмным. Она прошла мимо двери в комнату матери и приостановилась. Из-за двери доносилось ровное дыхание — Ирма спала. Тихо. Спокойно. Не кашляла. Лекарство, которое она купила в городе месяц назад за последние медяки, действовало.

Элира прижалась лбом к холодной деревянной двери и прошептала:

— Я не дам тебе умереть. Слышишь? Я не дам тебе умереть.

Она не знала, как она это сделает. Но она это сделает. Она найдёт способ. Она всегда находила.

Кухня была маленькой и убогой. Плита — старая, каменная, с закопчённым дымоходом. Стол — доска на козлах. Полки с несколькими мисками, одна кастрюля и заварочный чайник, который много лет назад раскололся и был склеен смолой. В углу стоял ларь с мукой — почти пустой.

Элира разожгла огонь в печи. Это требовало усилий — дрова были сырыми, и ей пришлось несколько раз раздувать угли, пока пламя не занялось по-настоящему. Она поставила на огонь воду для чая. Чай был не настоящим — просто сушёные листья малины и мяты, которые они собирали летом. Но это создавало иллюзию того, что у них всё хорошо.

Она нарезала хлеб — чёрствый, вчерашний. Достала из погреба крынку с молоком — оно было кислым, но ещё съедобным. Большого у них не было. Голод стал привычным состоянием, как усталость или холод. Элира уже не помнила, когда в последний раз ела досыта. Наверное, тогда, когда отец был жив.

Отец.

Она замерла с ножом в руке, глядя на закопчённый потолок. Саймон Восс. Он был плотником. Умелым. Сильным. Он всегда возвращался домой с запахом древесины и смолы, и от его рук пахло сосной. Он погиб пять лет назад на лесоповале — сосна упала не в ту сторону, и он не успел отскочить. Элира не видела его смерти. Странно, но дар молчал тогда. Или он просто не хотел видеть того, как умирает отец?

Она не знала. Она до сих пор не знала, почему одни смерти она видит, а другие проходят мимо неё. Может быть, она видит только те, которые могла бы предотвратить, но не делает этого. Может быть, это божье наказание. Или шутка.

После смерти отца всё пошло прахом. Доходов не стало. Мать начала болеть — сначала просто кашель, потом хрипы, потом кровь. Лекарь сказал: «Это пепел. Магическая чахотка. Она не заразна, но лекарство стоит как целая деревня».

Им сказали, что Ирма Восс проживёт не больше трёх лет. Это было три года назад.

Элира не верила в чудеса. Но она верила в упрямство.

Она налила кипятка в две кружки — одну для себя, одну для матери. Кружки были треснутыми, но чистыми. Она всё держала в чистоте. Это было единственное, что она могла контролировать в своей жизни.

— Элира?

Голос матери донёсся из спальни. Тихий, слабый, с присвистом на каждом выдохе. В нём не было былой силы — той, что когда-то заставляла всю деревню слушаться Ирму Восс, самую лучшую кружевницу в округе.

— Я здесь, мама, — откликнулась Элира. — Не вставай. Я принесу тебе завтрак в постель.

— Мне лучше, — соврала мать. Но Элира знала, что это ложь. Она слышала, как в голосе матери дрожит боль. Как она пытается сделать звук глубже, чтобы скрыть хрип.

Элира взяла поднос — старый, со сколотым краем, но крепкий — и пошла в спальню.

Комната матери была светлее. Единственное окно выходило на восток, и утреннее солнце уже начинало золотить край горизонта. В комнате пахло лекарствами — горькими, травяными настояками, которые Элира готовила сама, и ладаном, которым она окуривала комнату, чтобы заглушить запах болезни.

Ирма Восс лежала на широкой кровати, укрытая стёганным одеялом, которое сама же и сшила много лет назад. Она была когда-то красавицей — высокой, стройной, с густыми каштановыми волосами и зелёными глазами, в которых горел огонь. Сейчас это была тень женщины. Кожа — серая, с желтизной. Щёки впалые. Волосы — тусклые, выпадающие. Глаза — огромные, лихорадочно блестящие.

Но она улыбалась. Она всегда улыбалась, когда видела дочь.

— Ты опять не спала, — сказала Ирма, хотя это был не вопрос.

— Спала, — соврала Элира. — Просто проснулась рано. Хотела приготовить тебе завтрак.

Она поставила поднос на тумбочку и помогла матери приподняться, подложив под спину подушки. Тело матери было лёгким — пугающе лёгким, как у ребёнка. Элира чувствовала ключицы под тонкой ночной рубашкой, и внутри неё всё сжималось от этого прикосновения.

— Пей, — сказала она, подавая кружку с чаем. — И ешь. Хлеб свежий. Я испекла его вчера, когда ты спала.

Она врал. Хлеб был вчерашним, но если мать подумает, что он свежий, она съест больше.

Ирма послушно отпила глоток чая и надкусила хлеб. Жевала она медленно, с трудом, но не жаловалась. Она никогда не жаловалась.

— Сегодня будет хороший день, — сказала она, глядя в окно. — Я чувствую. Я слышала, как воробьи запели. Они всегда поют к хорошей погоде.

— Или к дождю, — усмехнулась Элира, присаживаясь на край кровати.

— Нет, доченька. Сегодня будет солнце. Я знаю.

Они помолчали. Тишина была тёплой, почти уютной, хотя Элира знала, что это иллюзия. Она слышала, как за окном начинают просыпаться соседи — хлопают двери, скрипят калитки, кто-то ругается на собаку. Жизнь шла своим чередом.

И где-то там, в конце улицы, старый Томас Кобб уже, наверное, вышел из дома.

Элира зажмурилась. Она не хотела думать об этом. Не сейчас, когда мать смотрит на неё так тепло, так по-доброму, с той безусловной любовью, которую она не заслужила.

— Мама, — сказала она. — Я должна сказать тебе кое-что.

Ирма нахмурилась. Она всегда чувствовала, когда дочь собиралась сказать что-то важное. Может быть, это была материнская интуиция. Может быть, она просто научилась читать Элиру как книгу.

— Я слушаю, — сказала она.

Элира открыла рот, но слова застряли в горле. Она хотела сказать ей про видение. Про старика Кобба. Про то, что она снова видела смерть и снова не могла ничего сделать. Про то, что она чувствует себя чудовищем.

Но она посмотрела в глаза матери и не смогла. Не потому что боялась. Потому что знала: правда причинит ей боль. А боль сейчас была последним, что нужно Ирме Восс.

— Ничего, — выдохнула Элира. — Я просто хочу сказать, что люблю тебя.

Ирма улыбнулась. Это была настоящая улыбка — тёплая, материнская.

— Я знаю, доченька. Я тоже тебя люблю.

Элира наклонилась и поцеловала мать в лоб. Кожа была горячей — слишком горячей, даже для утра. Лихорадка возвращалась. Значит, лекарство заканчивалось. Они выпили последнюю каплю две недели назад. Элира пыталась купить новое, но денег не было даже на хлеб.

Она должна была найти выход. И скоро.

После завтрака Элира вышла на крыльцо. Надежда на то, что видение было ошибкой, таяла с каждой минутой. Солнце действительно вставало — яркое, золотое, заливающее всё вокруг тёплым светом. Воробьи чирикали на заборе. Где-то лаяла собака. Всё было как всегда.

Но в конце улицы царил суёт.

Элира увидела, как миссис Марта Кобб выбежала из дома с криком. Она бежала по улице, спотыкаясь и придерживая подол передника. За ней выскочил её сын — высокий парень с рыжими волосами, который работал в кузнице.

— Соседи! Соседи! — кричала Марта. — Помогите! Томасу плохо!

Элира смотрела на это, и внутри неё всё окаменело. Она знала, что будет дальше, но всё равно не могла отвести взгляд.

Соседи начали выбегать из домов. Кто-то с вёдрами, кто-то с тряпками. Мужчины побежали к коровнику. Женщины окружили Марту, пытаясь её успокоить.

Через десять минут они вынесли тело. Старый Томас Кобб был мёртв. Его лицо уже успело посинеть, и кто-то накинул на него рваную дерюгу, чтобы никто не видел его страдальческого выражения.

Элира стояла на крыльце и смотрела. Её руки дрожали. Она сжимала перила так сильно, что костяшки пальцев побелели.

«Я могла бы его спасти», — думала она. — «Если бы я выбежала на улицу. Если бы я закричала. Если бы я сделала хоть что-то».

Но она знала, что это ложь. Она не могла его спасти. Потому что его судьба уже была написана. Потому что таковы были правила игры, в которой она была всего лишь зрителем.

Марта Кобб рухнула на колени прямо посреди улицы. Её крик был таким пронзительным, что Элира зажала уши ладонями. Она не могла это слушать. Она не могла видеть горе, которое не смогла предотвратить.

Она развернулась и вошла в дом. Захлопнула дверь. Прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол.

Внутри неё что-то сломалось. Или, может быть, оно сломалось уже давно, а сейчас просто окончательно рассыпалось в прах.

Она сидела на полу в прихожей и плакала — тихо, безнадежно, так, чтобы мать не услышала. Слезы текли по лицу, смешиваясь с грязью и пылью. Она чувствовала себя маленькой. Беспомощной. Ненужной.

«Зачем мне этот дар?» — спрашивала она у мира, у богов, у кого угодно. — «Зачем я вижу смерть, если я не могу ничего изменить?»

Ответа не было. Не было никогда.

Она подняла голову и увидела, что на полу лежит письмо. Оно было конвертом из плотной чёрной бумаги, перевязанным серебряной лентой. На конверте не было имени, только герб — пепельное дерево с корнями, которые обвивали череп.

Элира не помнила, чтобы это письмо было здесь раньше. Она не слышала, чтобы кто-то приходил. Но оно лежало на полу, как будто его просто оставили там, когда она сидела на крыльце.

Она дрожащими руками взяла конверт. Бумага была гладкой, дорогой — такой, какую она никогда не держала в руках. Лента скользнула под пальцами, развязываясь без усилий.

Внутри был лист бумаги — такой же чёрный, но с серебряными буквами, которые будто светились в полумраке.

Элира прочитала письмо один раз. Потом второй. Потом третий.

В нём говорилось о том, что она должна приехать в столицу. Что её дар нужен могущественному дому. Что её семья будет обеспечена до конца жизни. Что мать получит лучшее лекарство.

И цена за всё это — всего лишь поступление в Академию Теней.

Элира сжала письмо в кулаке. Её руки перестали дрожать.

Впервые за долгое время она почувствовала что-то, кроме бессилия.

Она почувствовала надежду.

За окном продолжал кричать кто-то из соседей, но звук доносился будто издалека, из другого мира. Элира смотрела на серебряные буквы, которые, казалось, пульсировали в такт её сердцу.

«Академия Теней», — прочитала она вслух. Слова звучали чужеродно, как приветствие из другой реальности.

Она понятия не имела, что это за академия. Она никогда не слышала о ней. Но она знала, что этот конверт — не случайность. Он пришёл именно сейчас, когда мир рушился вокруг неё. Когда она была готова умереть от отчаяния.

Может быть, это была ловушка. Может быть, это был обман. Но в этом письме было что-то, что переворачивало всё её существование с ног на голову.

Она медленно встала с пола, всё ещё сжимая письмо. Слезы на её лице высохли, оставив солёные дорожки, но сейчас она этого не чувствовала.

Она посмотрела в сторону спальни матери. Оттуда доносилось ровное дыхание — Ирма снова уснула.

«Я сделаю это, мама», — прошептала Элира. — «Я сделаю всё, чтобы ты осталась жива. Даже если это сломает меня».

Она спрятала письмо в карман юбки и вышла из дома. На улице уже собиралась толпа. Кто-то нёс носилки. Кто-то звал священника. Марта Кобб сидела на земле, обхватив голову руками, и раскачивалась из стороны в сторону.

Элира посмотрела на неё, и её сердце сжалось от боли. Эта женщина только что потеряла мужа. И она, Элира, могла бы предотвратить это. Но она не сделала.

«Я больше не буду такой», — сказала она себе. — «Если я получу силу, я смогу менять судьбы. Я смогу спасти людей. Я больше не буду смотреть, как они умирают».

Она прошла мимо толпы. Никто не обратил на неё внимания. Все были заняты своим горем.

Элира шла к дому старосты, и в её голове уже созрел план. Она не знала, что ждёт её в столице. Она не знала, что такое Академия Теней. Но она знала одно: у неё появился шанс.

И она не собиралась его упустить.

Солнце уже поднялось над крышами домов, и лёгкий ветерок разносил запах сырой земли и свежей травы. Деревня просыпалась, не обращая внимания на маленькую фигурку, которая шла по главной улице, сжимая в кармане письмо, которое могло изменить всё.

Где-то вдалеке запела птица. Элира подняла голову и увидела, как бабочка — белая, с чёрными крыльями, которые казались выжженными по краям, — пролетела прямо над ней.

Она остановилась и проводила её взглядом.

«Бабочки живут всего один день», — подумала она. — «Они рождаются, чтобы умереть. Но они всё равно летают».

Она улыбнулась. Впервые за долгое время — искренне.

— Сегодня я тоже буду летать, — сказала она тихо.

И пошла дальше.

Глава 2. Контракт с Тенью

Дом старосты находился в центре деревни — единственное здание, которое когда-либо красили. Когда-то давно, ещё при прадеде нынешнего старосты, стены были выкрашены в приятный кремовый цвет, но теперь от той краски остались только бледные разводы, похожие на пятна проказы. Крыша прохудилась, и в дождливую погоду в доме расставляли вёдра и тазы, чтобы собирать воду. Богатство Кроу-Холлоу было понятием относительным, и дом старосты лишь подчёркивал эту печальную истину.

Элира остановилась у калитки. Она сжимала в кармане письмо, и бумага казалась горячей — не физически, а метафорически. Она чувствовала, что это письмо изменит её жизнь, но пока не знала, в какую сторону. Страх и надежда переплелись в тугой узел где-то под рёбрами, мешая дышать.

Старосту звали Эдмунд Форрестер. Ему было за пятьдесят, и он был единственным человеком в деревне, который относился к Элире без явной неприязни. Не то чтобы он любил её — нет, он просто был слишком занят своими проблемами, чтобы тратить время на ненависть. Его жена, тучная и вечно недовольная Грета, при виде Элиры всегда крестилась и сплёвывала через плечо, но сам Эдмунд лишь пожимал плечами и говорил: «Бог дал — бог взял. Не нам судить».

Элира толкнула калитку. Та противно скрипнула — петли давно требовали смазки, но у старосты вечно не доходили руки. Она прошла через маленький палисадник, где росли кривые кусты смородины, и постучала в дверь.

— Войдите, — раздался глухой голос изнутри.

Она вошла. В прихожей пахло кислой капустой и старыми носками. В углу стояла вешалка с двумя потёртыми пальто, а на полу валялся кошачий клубок — старый рыжий кот с оторванным ухом, который был единственным существом в деревне, не боявшимся Элиру. Он лениво приоткрыл один глаз, посмотрел на неё с презрением и снова закрыл.

Эдмунд Форрестер сидел в гостиной за большим дубовым столом. Перед ним стояла кружка с мутным пивом и лежала стопка бумаг — налоговые списки, прошения, какие-то счета. Он поднял голову, и его лицо, красное и обветренное, выразило удивление.

— Элира? — он отложил перо. — Что-то случилось? Твоя мать...?

— Нет, господин Форрестер, — поспешно сказала она. — С матерью всё хорошо. Ну, настолько хорошо, насколько это возможно.

Староста выдохнул с облегчением. Он действительно боялся, что Ирма Восс умерла. Это означало бы новые хлопоты, похороны, которые нужно организовывать, и бесконечную писанину.

— Тогда зачем ты пришла? — спросил он. — Садись, раз уж пришла.

Элира села на стул напротив. Дерево было шатким, и она боялась, что оно развалится под ней, но стул выдержал. Она положила руки на стол и посмотрела старосте в глаза. Взгляд её был твёрже, чем обычно. Эдмунд это заметил и нахмурился.

— Господин Форрестер, — начала она. — Мне нужно кое-что у вас спросить. Это очень важно.

Староста откинулся на спинку стула. Он был крупным мужчиной с грубыми чертами лица и большими, мозолистыми руками, которые привыкли держать не перо, а топор или вилы. Но сейчас он выглядел озабоченным.

— Спрашивай, — сказал он.

— Вы знаете, что такое Академия Теней? — спросила Элира.

На лице Эдмунда отразился такой неподдельный ужас, что Элира на мгновение пожалела, что задала этот вопрос. Он побледнел — его красное лицо стало пепельно-серым, как у покойника. Его рука, сжимавшая кружку с пивом, дрогнула, и несколько капель пролилось на бумаги.

— Откуда ты знаешь это название? — спросил он хрипло.

— Мне пришло письмо, — сказала Элира, доставая конверт из кармана. — С гербом дома Арканум.

Эдмунд посмотрел на письмо так, будто это была змея, готовая укусить. Он медленно протянул руку, взял конверт дрожащими пальцами и долго рассматривал герб — пепельное дерево с корнями, обвивающими череп. Его губы шевелились, будто он читал молитву, но слов было не слышно.

— Господин Форрестер? — осторожно позвала Элира. — Вы знаете, что это?

Староста поднял на неё глаза. В них было что-то, чего Элира никогда раньше не видела — страх. Не тот бытовой страх перед болезнью или бедностью, а древний, первобытный ужас, который заставляет человека бежать без оглядки.

— Элира, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Это не шутка. Это не игрушка. Дом Арканум — это... это не просто богатая семья. Это тени. Они управляют всем, чего ты не видишь. Они владеют магией, о которой простые люди даже не догадываются.

— Магия? — переспросила Элира. — Но магия запрещена. Император...

— Император правит днём, — перебил её староста. — А ночью правят Арканумы. Это они дают разрешение на постройку дорог. Это они определяют цены на зерно. Это они решают, кто будет следующим губернатором провинции. Академия Теней — это их школа. Они выращивают там... ну, не людей. Тени, которые будут управлять империей.

Элира почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она знала, что мир не такой простой, каким кажется, но то, что говорил староста, выходило за пределы её воображения.

— Зачем я им? — спросила она. — Я всего лишь дочь плотника. У меня нет денег, нет связей. У меня есть только... — она запнулась. — Только мой дар.

Староста тяжело вздохнул и провёл ладонью по лицу. Его рука дрожала.

— Твой дар, — повторил он. — Твои видения. Ты думаешь, я не знаю, что ты видишь смерти, девочка? Вся деревня знает. Мы все говорим о тебе за спиной. Мы называем тебя проклятой, ведьмой, но мы не прогоняем тебя только потому, что твой отец был хорошим человеком и много сделал для нас.

Элира опустила глаза. Она знала, что о ней говорят. Она слышала шёпот за спиной, видела, как крестятся соседи, когда она проходит мимо. Но слышать это из уст самого старосты было особенно больно.

— Я не хотела этого, — сказала она. — Я не просила этот дар.

— Я знаю, — сказал Эдмунд мягче. — Я знаю, девочка. Ты не виновата. Но Арканумы не ищут виноватых. Они ищут полезных. И если они узнали о твоём даре... значит, они хотят использовать тебя.

Он протянул ей письмо обратно. Его пальцы слегка касались её пальцев, и Элира почувствовала, как холодок передаётся от него к ней.

— Что мне делать? — спросила она.

Староста посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах была жалость, но была и решимость.

— Если откажешься — они могут уничтожить тебя, — сказал он. — Или, что хуже, твою семью. Если согласишься — ты войдёшь в мир, который сожрёт тебя заживо. Выбора у тебя нет, Элира. Только принять их условия.

Элира сжала письмо в руке. Она думала о матери, которая лежала дома в горячке. О брате, который работал в кузнице с утра до вечера, чтобы принести хоть несколько медяков. О себе, которая уже устала быть беспомощной.

— Я соглашусь, — сказала она. — Но я хочу знать, на что иду.

Эдмунд покачал головой.

— Ты никогда не узнаешь этого, девочка. Арканумы — это тени. Они не показывают своего истинного лица. Но я скажу тебе одно: будь осторожна. И никогда, слышишь, никогда не доверяй им полностью.

Она вышла из дома старосты через час. На улице уже было тепло, хотя солнце ещё не поднялось высоко. Деревня жила своей обычной жизнью — кто-то нёс корзину с яйцами, кто-то чинил забор, кто-то ругался на соседскую собаку. Никто не обращал внимания на девушку, которая вышла из дома старосты с бледным лицом и горящими глазами.

Элира шла по улице, сжимая в кармане письмо. Она чувствовала, что с этого момента её жизнь разделилась на «до» и «после». До — это бесконечные дни бедности и отчаяния. После — это неизвестность, которая могла быть и спасением, и гибелью.

Она остановилась у колодца, чтобы напиться. Вода была ледяной и казалась сладкой после разговора с Эдмундом. Она подняла голову и увидела, что на другом конце улицы стоит фигура в чёрном. Та же фигура, которая принесла письмо.

Гонец.

Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел на неё. Его лицо было скрыто капюшоном, но Элира чувствовала его взгляд — холодный, оценивающий, безжалостный. Он ждал.

Она сделала глубокий вдох и направилась к нему.

Фигура не двигалась, пока она приближалась. Элира шла медленно, давая себе время подумать, но мысли путались. Когда она оказалась в трёх шагах от гонца, тот откинул капюшон, и она увидела его лицо.

Это был мужчина лет тридцати с резкими чертами и серыми глазами, которые казались совершенно пустыми. Никаких эмоций — ни любопытства, ни злобы, ни сочувствия. Только холодная, непроницаемая маска, за которой скрывалось что-то неуловимо опасное.

— Элира Восс, — сказал он. Голос был низким, ровным, без всяких интонаций. — Я вижу, ты прочитала письмо.

— Да, — ответила она, стараясь говорить твёрдо. — Но я хочу задать несколько вопросов. Гонец слегка склонил голову, позволяя ей продолжать.

— Кто вы? — спросила она. — Я имею в виду, кто именно написал это письмо? И почему я?

Мужчина выдержал паузу, как будто взвешивал, стоит ли отвечать.

— Меня зовут Харвин, — сказал он. — Я секретарь лорда Силиуса Арканума, главы дома. Именно он проявил интерес к твоим способностям. Мы долго наблюдали за тобой, Элира. Твой дар — редчайшее явление. Ты видишь смерть, не так ли?

Элира вздрогнула. Она никогда не говорила об этом никому, кроме матери. Но этот человек говорил об этом так же спокойно, как о погоде.

— Да, — призналась она. — Но я не знаю, как это работает. Я просто... вижу.

— Мы знаем, — сказал Харвин. — Именно поэтому ты нам нужна. Дому Арканум требуются маги твоего типа. Одарённые. Избранные. Ты будешь учиться в Академии Теней, где тебя научат контролировать дар и использовать его во благо империи.

— Во благо империи? — переспросила Элира с иронией. — Или во благо дома Арканум?

Харвин едва заметно улыбнулся — это была не настоящая улыбка, а простое сокращение мышц лица.

— Ты умна. Это хорошо. Ты быстро поймёшь, что разница между империей и домом Арканум — это вопрос перспективы.

Элира сжала кулаки.

— Что будет с моей семьёй? — спросила она. — Что будет с моей матерью?

— Лекарство. Самые лучшие врачи. Полное содержание. Твоя семья будет жить в достатке до конца своих дней, — Харвин достал из кармана небольшую стеклянную бутылочку с голубой жидкостью. — Вот первая порция. Этого хватит на полгода.

Он протянул ей бутылочку. Элира взяла её дрожащими руками. Стекло было тёплым, как будто жидкость внутри только что нагрели. Она смотрела на этот маленький пузырёк и чувствовала, что держит в руках жизнь своей матери.

— Что я должна сделать? — спросила она, не отрывая взгляда от бутылочки.

— Прибыть в столицу через три дня, — сказал Харвин. — Там тебя встретят и отведут в Академию. Ты поступишь под видом обедневшей дворянки из провинции. Твоя задача — учиться, адаптироваться и... выполнять поручения дома Арканум.

Элира подняла глаза на него.

— Какие поручения?

— Об этом ты узнаешь позже, — спокойно ответил Харвин. — Сейчас тебе достаточно знать, что твой дар будет полезен. И что ты должна сохранить наше соглашение в тайне от всех, включая близких.

— Включая мою мать? — спросила она с горечью.

— Включая твою мать, — подтвердил он. — Чем меньше людей знают, тем безопаснее для всех. Это понятно?

Элира хотела возразить, но слова застряли в горле. Она смотрела на бутылочку в своих руках и думала о том, что цена этого лекарства — её душа. Или, по крайней мере, её свобода.

— Понятно, — сказала она тихо.

Харвин кивнул, словно и не сомневался в её ответе.

— Хорошо. Через три дня на закате у перекрёстка дорог будет ждать карета. Не опаздывай. — Он повернулся, чтобы уйти, но на мгновение остановился. — И, Элира... если ты расскажешь кому-нибудь о нашем разговоре, я узнаю. И тогда лекарство не понадобится твоей матери. Ты понимаешь, о чём я?

Она кивнула.

— Понимаю.

Харвин накинул капюшон и исчез так же бесшумно, как и появился. Словно его и не было. Только бутылочка в руках Элиры подтверждала, что этот разговор был реальным.

Она вернулась домой на ватных ногах. В голове шумело, и казалось, что весь мир сдвинулся со своей оси. Она зашла в кухню и поставила бутылочку на стол, глядя на неё как на заклинание. Голубая жидкость мерцала в тусклом свете, и Элире казалось, что она видит в ней отражение своей судьбы.

— Элира? — раздался голос матери из спальни. — Ты вернулась?

— Да, мама, — отозвалась она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я сейчас приду.

Она взяла бутылочку, нашла чистую ложку и отлила немного жидкости. Лекарство пахло мятой и ещё чем-то горьким — как кора ивы и полынь. Элира знала этот запах. Это было то же самое лекарство, которое покупал лекарь, но гораздо концентрированное.

Она вошла в спальню и улыбнулась, стараясь не показывать тревоги. Ирма лежала с закрытыми глазами, но когда услышала шаги дочери, открыла их.

— Доченька, — сказала она слабым голосом. — Ты в порядке? Ты какая-то бледная.

— Я в порядке, мама, — сказала Элира, садясь на край кровати. — Я принесла лекарство. Тебе нужно выпить.

Ирма удивлённо посмотрела на бутылочку.

— Откуда у тебя это? Это же очень дорого!

— Я... я заняла у господина Форрестера, — соврала Элира. — Он дал мне в долг до следующего урожая.

Ирма покачала головой.

— Элира, ты не должна была этого делать. Мы и так должны половине деревни. Нам нечем будет платить.

— Не беспокойся об этом, — твёрдо сказала Элира. — Я всё устрою. пей.

Она помогла матери приподняться и поднесла ложку к её губам. Ирма выпила лекарство, сморщившись от горечи, но послушно проглотила.

— Спасибо, доченька, — сказала она. — Ты у меня... ты у меня такая заботливая.

Элира поцеловала мать в лоб.

— Спи, мама. Всё будет хорошо.

Она вышла из спальни и закрыла за собой дверь. Прислонилась спиной к косяку и закрыла глаза. Слезы выступили на глазах, но она сдержала их. Она не могла позволить себе плакать сейчас. Она должна быть сильной.

Вечер наступил незаметно. Элира сидела на крыльце, глядя на закат. Небо было огненно-красным, и облака напоминали разорванные крылья. В саду стрекотали сверчки, и где-то вдалеке лаяла собака. Всё было как обычно, но чувствовалось, что этот день стал последним днём её прежней жизни.

Завтра она начнёт готовиться к отъезду. Она скажет матери, что уезжает в город искать работу. Она попросит соседку присматривать за Ирмой. Она... она сделает то, что должна.

Но сейчас она просто сидела и смотрела на небо. Ей хотелось запомнить этот закат. Запомнить этот дом. Запомнить эту жизнь, которую она скоро покинет.

— Элира?

Она обернулась. На пороге стоял её брат Томас. Ему было четырнадцать, но выглядел он старше из-за работы в кузнице. Руки в мозолях, плечи широкие, лицо уже начало обрастать первой щетиной. Он смотрел на неё встревоженно.

— Ты чего сидишь тут одна? — спросил он. — Мама сказала, что ты раздобыла лекарство. Это правда?

— Правда, — кивнула Элира. — Садись, поговорим.

Томас сел рядом с ней на ступеньки. От него пахло гарью и металлом — запах кузницы, который она так любила в детстве, когда они играли среди наковален и горнов.

— Ты какая-то странная, — сказал он. — Что-то случилось?

Элира посмотрела на младшего брата. Ей хотелось сказать ему правду. Хотелось рассказать ему обо всём — о письме, о контракте, о доме Арканум. Она хотела, чтобы он знал, почему она уезжает. Она хотела, чтобы он помнил её не как ту, кто сбежала, а как ту, кто пыталась спасти семью.

Но она знала, что не может. Что это слишком опасно. Что Харвин предупредил её.

— Всё в порядке, Томас, — сказала она. — Просто устала немного. Я нашла работу в городе. Нужно будет уехать на несколько месяцев.

Томас нахмурился.

— На несколько месяцев? Ты уезжаешь? А как же мама?

— За ней присмотрит миссис Уилсон, — сказала Элира. — Я уже договорилась. А ты будешь помогать, как можешь. Хорошо?

Томас выглядел несчастным, но кивнул. Он был ещё ребёнком, но уже понимал, что иногда нужно жертвовать, чтобы выжить.

— Ты вернёшься? — спросил он.

Элира погладила его по голове и улыбнулась.

— Конечно, вернусь. Как только смогу. А пока обещай мне, что будешь беречь маму.

— Обещаю, — сказал он.

Они посидели в тишине ещё несколько минут, а затем Элира встала.

— Иди спать, Томас. Завтра будет долгий день.

Ночью Элира не спала. Она лежала на своей жёсткой кровати и смотрела в потолок, прокручивая в голове все события прошедшего дня. Смерть мистера Кобба. Письмо. Встреча с Харвином. Лекарство для матери. Всё это казалось сном, но она знала, что это реальность.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на ночное небо. Луна была почти полной, и звёзды сияли ярко. Где-то далеко-далеко была столица, где находилась Академия Теней. И где её ждала новая жизнь.

«Я сделаю это, — сказала она себе. — Я выживу. Я стану сильнее. И когда я вернусь, я больше никогда не буду беспомощной».

Она взяла письмо с гербом Арканума и перечитала его ещё раз. Серебряные буквы мерцали в темноте, как будто в них была своя жизнь.

«Ты будешь пешкой, — прошептал голос в её голове. — Ты будешь игрушкой в руках теней. Но ты будешь жить, и твоя семья будет жить. Это ли не главное?»

Она сжала письмо в кулаке. В её груди зажглась искра — первая искра гнева, которую она позволила себе почувствовать за долгие годы.

«Я не буду пешкой, — сказала она себе. — Я стану игроком. Я узнаю их секреты. Я найду их слабые места. И если они думают, что могут просто использовать меня и выбросить, они ошибаются. Я буду бороться. Я всегда борюсь».

Она положила письмо обратно в карман и вернулась в кровать. На этот раз она уснула почти сразу — уставшая, но с новым чувством цели. Сон был глубоким и спокойным. Впервые за долгое время ей не снились смерти.

На следующее утро Элира встала рано, ещё до рассвета. Она надела свою лучшую одежду — ту, которую носила только по праздникам, — и собрала небольшую сумку. Там было немного вещей — смена белья, гребень, запасная шаль и письмо от матери, которое та написала, когда Элира сказала ей, что уезжает.

— Будь осторожна, доченька, — прошептала Ирма, когда они прощались. — Я буду молиться за тебя.

Элира обняла мать и брата и вышла за порог.

Деревня просыпалась. Где-то запел петух, и в доме напротив зажгли свет. Она шла по улице, смотря на знакомые лица, на покосившиеся заборы, на курящиеся трубы. Она знала, что больше никогда не увидит этого места.

На перекрёстке дорог стояла карета. Она была чёрной, с гербом Арканума на дверце. Никакого кучера — поводья держал сам Харвин, который сидел в седле, как влитой.

— Ты пришла, — сказал он, и в его голосе послышалось одобрение. — Садись.

Элира подошла к карете и на мгновение остановилась. Она обернулась и посмотрела на деревню, которая уже утопала в утреннем тумане.

«Прощай, Кроу-Холлоу», — прошептала она. — «Прощай, моя прошлая жизнь».

Она открыла дверцу кареты и села внутрь. Мягкие сиденья, шёлк на стенах, запах дорогого дерева и лаванды — всё это было так непохоже на её старую жизнь, что у неё закружилась голова.

Харвин щёлкнул языком, и лошади тронулись.

Элира смотрела в окно на удаляющуюся деревню. Она знала, что её путь лежит в неизвестность, но внутри неё горела уверенность.

«Я вернусь, — подумала она. — Вернусь сильной. И тогда никто не сможет причинить боль моей семье».

Карета свернула за поворот, и Кроу-Холлоу исчезла из виду, уступив место бескрайним полям и дороге, ведущей в столицу. Впереди её ждала Академия Теней, но главное, что ждало её впереди, — это выбор.

И она собиралась сделать его.

Глава 3. Академия Теней

Дорога в столицу заняла три дня.

Три дня тряски в карете, три дня сменяющихся пейзажей за окном, три дня, в течение которых Элира почти не разговаривала с Харвином. Он был молчаливым попутчиком — появлялся только на ночлегах, чтобы проверить, всё ли с ней в порядке, и снова исчезал в своей мрачной тишине. Она даже не знала, где он спит — кажется, он вообще не нуждался в сне.

Первые несколько часов она смотрела в окно, пытаясь запомнить каждую деталь. За полями начинались леса — густые, тёмные, с огромными соснами, вершины которых терялись в облаках. Потом леса сменились холмами, покрытыми диким вереском, фиолетовым и лиловым, как синяки на теле земли. Затем пошли деревни — аккуратные, с белыми домиками

и красными черепичными крышами, такие непохожие на убогость Кроу-Холлоу. Люди здесь выглядели сытыми и довольными, их одежда была яркой, а лица — улыбчивыми.

Элира смотрела на это и чувствовала себя чужой. Она была девочкой из грязи, из нищеты, из мира, где каждый день был борьбой за выживание. А эти люди... они жили в другом мире. Мире, где не нужно было считать каждую медную монету. Где дети не умирали от голода. Где матери не угасали от неизлечимой болезни.

«Я никогда не буду одной из них», — подумала она. — «Но я сделаю вид. Я научусь. Я выживу».

На второй день пути она впервые увидела столицу издалека. Это было невозможно описать словами. Город Этернум раскинулся на семи холмах, окружённый высокими белыми стенами, которые сверкали на солнце, как зубы гигантского зверя. Над стенами возвышались башни и шпили — сотни, тысячи, уходящие в небо, как каменный лес. И над всем этим, на самом высоком холме, стоял дворец императора — громадное сооружение из чёрного и белого мрамора, с куполами, покрытыми золотом.

— Это... это невероятно, — выдохнула Элира, прижимаясь лицом к стеклу.

Харвин, сидевший напротив, слегка улыбнулся — впервые за всё время.

— Это только начало, — сказал он. — Академия находится на другом конце города. Там ты увидишь настоящую магию.

Элира не ответила. Она смотрела на столицу, и её сердце билось быстрее. Впервые она чувствовала не страх, а предвкушение. Что-то в этом городе манило её, обещало что-то большее, чем просто выживание. Обещало силу.

Карета въехала в город через южные ворота. И здесь, внутри, Этернум оказался ещё более грандиозным. Узкие улочки сменялись широкими бульварами, дома были украшены лепниной и статуями, а на каждом углу стояли фонтаны с чистой водой. Люди ходили по тротуарам в шёлках и бархате, женщины носили шляпки с перьями, а мужчины — трости с серебряными набалдашниками. Казалось, весь город был одним большим праздником.

Элира чувствовала себя нищенкой в своей потёртой юбке и старой шали. Она поёжилась и отодвинулась от окна, прячась в тени кареты.

— Не обращай внимания, — сказал Харвин, будто прочитав её мысли. — Через неделю ты будешь ходить среди них в лучших одеждах, и никто не узнает, откуда ты пришла.

— Откуда вы знаете? — спросила она. — Может быть, я не справлюсь.

— Ты справишься, — уверенно ответил он. — Твой дар слишком силен, чтобы его можно было игнорировать. Дом Арканум умеет выбирать.

Элира хотела спросить ещё о чём-то, но в этот момент карета свернула на широкую улицу, и перед ней открылось зрелище, которое заставило её забыть все вопросы.

Академия Теней была высечена в скале.

Элира не могла поверить своим глазам. Она смотрела на гигантскую чёрную скалу, которая возвышалась в центре города, и понимала, что это не просто скала — это здание. Огромное, монолитное, вырезанное прямо из горной породы. Её поверхность была полированной, и она отражала солнце как зеркало, но при этом казалась абсолютно чёрной — такого глубокого, непроницаемого чёрного цвета, что Элире показалось, будто скала впитывает свет, а не отражает его.

В скале были вырезаны окна — тысячи окон, расположенных в строгом геометрическом порядке. Они были узкими, как бойницы, и казались глазами какого-то спящего чудовища. Вход в Академию представлял собой гигантскую арку высотой с десятиэтажный дом. Над аркой

был вырезан герб — тот самый, который она видела на письме: пепельное дерево, обвивающее череп корнями.

— Это... это Академия? — прошептала Элира, чувствуя, как пересохло в горле.

— Да, — ответил Харвин. — Добро пожаловать в Академию Теней, Элира. Здесь ты станешь тем, кем должна стать.

Карета остановилась перед аркой. Харвин вышел первым и открыл дверцу.

— Выходи, — сказал он. — Дальше ты пойдёшь одна.

Элира вышла из кареты, и её ноги коснулись тротуара, выложенного чёрным камнем. Она подняла голову на скалу-здание и почувствовала, как её охватывает благоговейный трепет. Она стояла перед чем-то, что было старше её, старше её родителей, старше самой империи. И она чувствовала, что это место... дышит. Оно было живым.

— Иди вперёд, — сказал Харвин. — Тебя ждут.

Он сел в карету и уехал, оставив её одну перед гигантской чёрной аркой. Элира стояла, сжимая в руках свою нищенскую сумку, и смотрела на вход в Академию. Она чувствовала, как тысячи невидимых глаз смотрят на неё, оценивают, взвешивают. Она была маленькой и ничтожной перед этой громадой.

Но она сделала шаг вперёд.

Внутри Академия оказалась ещё более впечатляющей. Элира шла по бесконечному коридору, стены которого были сложены из того же чёрного камня, но полированного так, что они отражали её лицо, как зеркала. Вдоль коридора горели факелы — но их пламя было странным, зелёным, как болотный огонь. Они не давали тепла, но светили ярко, освещая каждый закоулок.

Здесь пахло холодом и чем-то древним — пылью веков, магией, которую она чувствовала кожей. Этот запах заставлял её сердце биться быстрее, а дыхание становиться прерывистым. Она чувствовала себя муравьём в муравейнике, и её инстинкты кричали ей: «Беги!», но она заставляла себя идти вперёд.

Она прошла через несколько залов, каждый из которых был больше предыдущего. В одном зале стены были покрыты фресками, изображающими битвы и магические ритуалы. В другом — стояли статуи древних магов с пустыми глазами и зловещими улыбками. В третьем — был гигантский фонтан, из которого вместо воды бил чёрный туман, клубящийся и переливающийся, как живой.

Наконец она дошла до огромного зала — центрального. Это было сердце Академии. Потолок уходил вверх на высоту, которой не было видно — он терялся в темноте, и только слабые зелёные огоньки мерцали там, как звёзды. Пол был выложен мозаикой, изображающей сложный узор — спираль, уходящую в бесконечность, вокруг которой вращались черепа и крылья.

Посреди зала стояла женщина.

Она была высокой и худой, с бледной кожей и длинными чёрными волосами, которые падали на плечи, как водопад. На ней было тёмное платье, такое же чёрное, как и сама Академия, с серебряной вышивкой в виде тех же деревьев и черепов. Её лицо было красивым, но холодным, как зимнее утро. Глаза — ярко-зелёные, как у кошки, — смотрели на Элиру с прищуром, изучая и оценивая.

— Элира Восс, — сказала она. Голос был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. — Я ждала тебя.

Элира сделала шаг вперёд и слегка поклонилась, как учил её отец в детстве — неуклюже, но искренне.

— Меня зовут... вы знаете моё имя, — сказала она, сглотнув.

Женщина слегка улыбнулась — не тёплой, а оценивающей улыбкой.

— Я леди Серафина Мортон, наставница Академии. Я буду отвечать за твоё обучение. И за твоё выживание, — она сделала паузу. — Ты ведь понимаешь, что здесь не будет легко? Элира кивнула. Она понимала это лучше, чем кто-либо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.